

Алексей Соколов

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ

**ТЕРПЕНИЕ
ДЬЯВОЛА**

Москва
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С59

Серия «Пикник на обочине»

Художник обложки *Владимир Гурков*

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

Соколов, Алексей Алексеевич
С59 Терпение дьявола / Алексей Соколов.— Москва: АСТ,
2014.— 379 с. (Пикник на обочине)

ISBN 978-5-17-088574-9

Сапсан, опытный сталкер Южной Зоны, правила знал. Но соблазн оказался слишком велик. Сапсан попытался продать большую партию хабара напрямую, хотя должен был принести добычу бармену-перекупщику.

Закончилось все плохо. Арест, допрос, срок. Однако судьба дает Сапсану последний шанс.

Сокамерники по вагонзаку готовили побег. Обмануть охрану, спрыгнуть с поезда, дальше пешком до Белоруссии — и вот она, свобода! Так они думали...

Соглашаясь бежать, Сапсан и представить себе не мог, что с первых же шагов они станут дичью, и охотиться на них будут не только люди...

Потому что идти пришлось — через Зону.

И не в Белоруссию, а в заброшенный город Припять.

Откуда живыми — не возвращаются...

Подписано в печать 25.07.14.

Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж

Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© А. Соколов, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Моей жене

Октябрьская ночь в провинции наступает быстро. Здесь ей не мешает неон городских реклам, блеск фар автомобильного потока и свет уличных фонарей. Здесь беспрепятственно сгущаются вечерние сумерки, постепенно скрывая детали окружающего ландшафта. А потом приходит по-настоящему ночная мгла. И уже с трудом можно различить силуэты деревьев, сливающиеся с черным, затянутым тучами небом. Только свет в одиноких оконцах деревянных домов нерешительно проникает сквозь тьму и мелкий осенний дождь...

Такая ночь опустилась на небольшой привокзальный поселок, единственной достопримечательностью которого служила железнодорожная станция. Настолько маленькая, что даже названия не имела, а довольствовалась указателем километра — 113.

На запасном пути стоял необычный вагон, ведомый выдавшим виды дизельным тягачом. Его необычность заключалась в забранных железными листами окнах, и только по слабому свету, выбивающемуся из узких окошек под крышей, можно было понять, что

внутри кто-то есть. Это был пассажирский вагон, переделанный в спецтранспорт для этапирования заключенных.

Почему для таких целей не использовался настоящий «столыпинский» вагонзак, немногочисленным местным жителям, как и сопровождавшим состав бравым сотрудникам Управления исполнения наказаний Украины, было неизвестно. Да и вряд ли те и другие задавались подобным вопросом. Ведь, когда каждый вечер пятницы поезд, следовавший в обход основных железнодорожных линий, подходил к станции, находились дела поважнее — конвоирам предоставлялось не больше четверти часа, чтобы размять затекшие ноги и купить в местном магазине несколько литров дешевой водки, а сельчанам выпадала возможность передать «с оказией» какую-нибудь посылку городским родственникам или знакомым.

Конечно, подобные остановки являлись серьезным нарушением режима и правил, которые, «в целях соблюдения общественной безопасности», предписывали безостановочное передвижение состава. Но условности не смущали начальника конвойной группы. После пятнадцати лет службы он хорошо знал, что заключенные если и совершают редкие попытки к бегству, то при погрузке-выгрузке на этап. А побег из камеры «столыпина», пусть и не совсем настоящего, — это уже из области фантастики. Еще никому на его памяти такого не удавалось. Почему бы и не остановиться?

До отправления поезда оставались считанные минуты, но ждали одного из конвойных, который почему-то задержался. Его товарищи уже начинали нервничать, когда за деревянным зданием вокзала послышался рев мотора и из влажной осенней темноты под свет одинокого фонаря вынырнул милицейский «УАЗ».

Лихо подкатив к локомотиву, автомобиль остановился, из него выскочил задержавшийся уиновец и полез в вагон. Через минуту в дверях тамбура появился начальник конвоя. Сойдя на землю, он неторопливо подошел к «УАЗу», заглянул в кабину, а потом быстро открыл дверь и сел на заднее сиденье.

Из машины послышался приглушенный разговор.

— ...Взяли на рассвете... в Киев... особой важности... срочно!..

— А кто?..

— Не твое дело... с твоим начальством согласовано... головой и погонами!..

— Так точно...

Наконец начальник конвоя вылез из машины. Вслед за ним появились два широкоплечих оперативника, и последним из «УАЗа» выбрался грузный майор.

Вся компания правоохранителей направилась к задней двери, где находился «обезьянник» — отсек для перевозки задержанных. Когда оперативники встали с боков автомобиля, майор отворил дверь и скомандовал:

— На выход!

Пригнувшись, из «обезьянника» вылез невысокий мужчина в черной вязаной шапочке, потертой камуфляжной куртке и засаленных синих джинсах. Встав во весь рост, он постарался размять затекшие кисти рук, скованные наручниками за спиной, а потом, оглядевшись по сторонам, без особой злости посмотрел на майора и презрительно процедил:

— Мусор!

— Да пошел ты! — зло огрызнулся тот.— Грузите его!

Последние слова были адресованы оперативникам, которые, схватив арестованного под локти, повели его

к «столыпину». Начальник этапа заспешил следом, успев козырнуть майору на прощание.

* * *

Лязг дверного замка и последующий скрип решетки-отсекателя прозвучали неожиданно громко, заставив двух обитателей камеры недовольно обернуться на шум.

Конвоир втокнул внутрь нового пассажира.

— Принимайте пополнение, граждане уголовнички!

Когда «пополнение» сделало еще один шаг вперед, конвоир закрыл отсекагель и добавил:

— До отхода поезда не курить. Учую — в туалет пойдешь только завтрашним вечером. Усек?

— Да.— Голос арестанта не выражал никаких эмоций.

— Тогда располагайся.

За спиной новенького хлопнула тяжелая железная дверь.

Угрюмо осматривая тесное помещение, новый пассажир остановил взгляд на маленьком, размером не больше ладони, зарешеченном окошке, из-за которого виден свет единственного на весь здешний перрон уличного фонаря. Там свобода. А здесь?

Здесь вмонтированные в стену трехэтажные нары. На первом ярусе сидят двое и не без интереса смотрят на него, нового соседа, которому ранее в подобной обстановке бывать не приходилось. Вот и приплыл.

В камере повисло гнетущее молчание. Наконец один из заключенных, полуседой старик лет шестидесяти пяти, одетый в серую мешковатую робу, проговорил, ехидно прищурившись:

— А что говорят воспитанные люди, попав в приличное общество?

— Чего? — не сразу понял вопрос новенький.

— Здраваться надо, дядя, когда в хатуходишь, епа,— подал голос второй зэк, короткостриженный молодой парень в спортивных штанах и черной футболке навывпуск. Судя по внушительной ширине плеч и развитой мускулатуре, спорт ему явно не был чужд.

— Здравствуйте.

Старый зэк кивнул.

— И тебе не хворать. Теперь надо бы обозначиться. Меня зовут Колода, а его,— он указал на своего молодого соседа,— Питон. Будь же любезен назвать и нам свое уважаемое погоняло.

— Игорь.

— Что, просто Игорь? И кликухи нет?

— Нет, просто Игорь.— Новенький огляделся.— Куда сесть можно?

— Сесть ты, мил-человек, уже успел. А присесть можешь хотя бы вот сюда, на шконку.

Колода подвинулся, освободив край нар. Игорь сел рядом. Беседа явно не клеилась, но расспрашивать его никто не спешил.

— Слышь, дядя, закурить не будет? — спросил Питон.

— Ты же слышал, что охранник сказал,— ответил Игорь.— До отхода поезда не курить.

— Да мне побоку, что этот цирик квакает. Я спрашиваю — у тебя есть закурить?

— Извини, не курю.— Игорь слышал в голосе парня угрожающие интонации и решил не накалять обстановку.— Вредно мне, задыхаться начинаю.

— Я тоже не курю.

— А чего же спрашиваешь?

— Надо, значит, епа, если спрашиваю...

Питон хотел сказать что-то еще, но по вагону прошла сильная дрожь, и поезд тронулся с места.

— Пошел этап,— произнес Колода, неуловимым движением вынув откуда-то из рукава смятую папиросу и спичечный коробок. Прикурив, он с наслаждением втянул вонючий дым.— Питон, че на котлах?

Тот извлек из кармана своих широких спортивных штанов китайские электронные часы.

— Без пяти десять.

— Лады. Теперь можно и покемарить.

Докурив папиросу до половины, Колода затушил окурочек и, укладываясь на нижнюю койку, сказал:

— Ты если располагаться будешь, то двигай на пальму. Чемодан уже Питон забил.

— Не понял? — Игорь недоуменно посмотрел на зэка.

— На верхнюю шконку лезь, говорю. Питон вторую раньше тебя облюбовал.

— Ясно.

Игорь подтянулся и полез на самый верхний ярус. Ему действительно уже хотелось спать, поэтому он, сняв высокие армейские ботинки, с удовольствием растянулся на тощем тюремном матрасе. Но, вопреки ожиданиям, сон не шел. В голове роились тяжелые мысли.

...Угораздило же так глупо встрять. Три месяца потихоньку сбывал бирюльки по одной, а тут черт дернул сразу пять штук скинуть. Ведь как чувствовал, что покупатель темнит что-то. Как знал. Вот и встрял. И за что?! За две сотни кусков! А ведь канал бармена давно налажен и работает без перебоев. Отбил бы те же двести штук спокойно, под нормальной крышей. По времени вышло бы, конечно, намного дольше, но

зато без проблем. Пусть платит Скрыба сравнительно немного, но одно то, что он договорился с военными об относительно спокойном проходе через Периметр,— уже огромный плюс в деловых отношениях. Да к тому же и выход тоже не представляет особых трудностей. Главное — знать, когда подкупленные во-яки отключат ток и снимут с маршрута патруль. А об этом бармен всегда заранее сообщает полезным для себя людям. Например, таким, как он — Сапсан. Ну а теперь все потеряно. Все. Попытка сбыть хабар в обход Скрыбиных рук обернулась самой плачевной ситуацией, в которую только может вляпаться сталкер, находящийся вне Периметра,— арестом за контрабанду аномальных элементов из Зоны Посещения. Или, если короче, за нелегальный сбыт артефактов. А наказываются такие проделки строго. Мало того что за решетку попадешь лет эдак на пять, так еще и после освобождения на всю жизнь запретят подходить к Зоне ближе чем на сотню километров. Невесело. Совсем невесело. Эх ты, сталкер, сталкер! Почти два года жизни отдать Зоне, чтобы потом так нелепо съехать под откос...

С этими невеселыми раздумьями сталкер Сапсан не заметил, как провалился в глубокий сон.

Разбудили его весьма бесцеремонно — Питон настойчиво и весьма чувствительно толкал Сапсана кулаком под ребра, негромко повторяя:

— Э-э! Слышь, вставай! Вставай, епа, дело есть!

Сапсан приподнялся на локте и, недовольно щурясь от света тусклой лампочки дежурного освещения, повернул к Питону заспанное лицо.

— Чего тебе?

— Вставай, говорю. Колода тебя разбудить велел. Дело есть срочное, сползай вниз.

— До утра дело не дотерпит, что ли?

Сталкер взглянул в узкое окно, которое находилось аккуратно на уровне его лежанки. За окном стояла темнота.

— Ночь на дворе. Сколько времени-то?

— Половина четвертого. Скорей давай.

— Да иду уже. Поспать не дадут человеку...

Но сон уже слетел окончательно. Свесив ноги, Сапсан упруго и бесшумно прыгнул на пол.

Колода сидел на своей койке со скрещенными в позе лотоса ногами, словно старый факир из восточных сказок. Зэк исподлобья глядел в лицо сталкера, и только сейчас Сапсан обратил внимание на холодный блеск выцветших глаз. Выдержать такой взгляд было нелегко — сталкер почувствовал себя кроликом напротив удава.

— Слушай меня внимательно, парень,— сказал Колода.— Слушай внимательно и не перебивай. Сейчас мне нужно кое-что узнать, поэтому я задам тебе несколько вопросов, а ты постарайся на них ответить. Настоятельно советую отвечать честно, иначе нам придется с тобой сильно поссориться, а очень бы не хотелось. Согласен?

— Валяй.— Сапсан не удивился. Мало ли какие правила у этих уголовников. Ехать с ними ему еще долго, и ссориться, действительно, не стоит. К тому же скрывать ему почти нечего. Почти.

— За что тебя повязали?

Этот вопрос слегка смутил сталкера. Он не собирался рассказывать о своих делах, поэтому решил ответить, не вдаваясь в подробности.

— За контрабанду. Прямо во время сделки.

— Ширево или цацки? — Прищурился зэк.

— Цацки, — спокойно кивнул Сапсан.

— Ясно. На местности ориентироваться умеешь? Что-то подсказывает мне, что ты не городской закалки.

— Есть такое, приходилось до недавних пор по лесам побегать. А что?

— Ничего. На волю хочешь?

— Ты к чему это?

— Повторяю для особо одаренных. На волю хочешь? — Колода спрашивал спокойно, но настойчиво.

— Хочу. — Сталкер пожал плечами. — А что решает мое желание?

— Оно, парень, решает все. — Колода бросил быстрый взгляд на стоящего за спиной сталкера Питона и скомандовал: — Давай на шухер к решке.

Тот быстро подошел к отсекателю, прислушался и одобрительно кивнул. Кивнув в ответ, Колода снова обратился к Сапсану:

— Значит, слушай, парень. Времени в обрез, вольнку тянуть некогда. Мы с Питоном рвем отсюда когти. Твое явление немного попутало карты, но мы перетерли, пока ты спал, и решили, что в стукачи тебя определять не стоит. Уж я насмотрелся на это сучье племя и мыслю так, что к красноперым ты никоим боком не относишься. Спрашиваю прямо, отвечай быстро — с нами пойдешь?

У Сапсана перехватило дыхание. Вот он! Шанс. Его Величество Случай! Эх, где наша не пропадала!

— Да! — выдохнул он.

— Заметано. Я был уверен, что ты согласишься. Смотри сюда.

Колода сделал руками движение, будто умывал их под краном, и в его ладонях появился маленький

бумажный комочек. Не обращая внимания на удивленный взгляд сталкера, зэк быстро расправил его, и перед Сапсаном лег тетрадный лист с детально прорисованной тонким карандашом картой местности. С первого взгляда было понятно, что карту чертил мастер своего дела.

— Знакомые места? — спросил старый зэк.

— Конечно.— Сапсану хватило нескольких секунд, чтобы найти на бумаге исходную точку своей вынужденной поездки и ткнуть в нее пальцем: — Это сто тринадцатый, где меня взяли.

— Быстро соображаешь, молоток.— Колода провел татуированным пальцем вдоль жирной черной линии.— Вот дорога, по которой мы сейчас тащимся. Полчаса назад мы прошли этот мост, а значит, при нашей скорости, сейчас мы примерно здесь,— он отметил на карте место.— Через десять—пятнадцать минут поезд пойдет в гору и сбавит скорость. В это время нам нужно успеть соскочить. Ну а там как сам пожелаешь. Нам с Питоном на север переть нужно, в сторону Белоруссии. А ты уж по своим дорогам двигай. Что скажешь?

— Погоди.— Сапсан показал в самый верх карты, где неизвестный топограф не удосужился поставить ни одного обозначения.— Ты знаешь, что это?

— Конечно, знаю,— ухмыльнулся Колода.— Это Чернобыльская зона отчуждения. Интересное место, я тебе скажу. Там в восемьдесят шестом году станция атомная взорвалась, радиацией все загадила...

— А про Посещение знаешь? — перебил его Сапсан.

— Которое в начале девяностых было? — Колода небрежно отмахнулся.— Слышал. Что ловушки какие-то появились, вещи чудесатые, солдатня набежала, академики — знаю, знаю. А еще знаю, что через

три или четыре года все затихло и расползлось, так что теперь это дело прошлое. Сейчас там уже никого нет, кроме мелкой ученой шушеры. Да и та, наверное, без огонька ерзает. Только тебе чего волноваться? С нами же идти не заставляем.

— Да я...— Сталкер замялся.

Выложить всю правду? Это хорошо, если не поверят. Но если струхнут уголовники? Струхнут запросто. И что тогда? Снова ждать у моря погоды? А вдруг второго такого случая не будет?

— Ну чего замолчал? — Колода пытливо глядел на него.

Сапсан, наконец, обдумал ответ:

— Ну как тебе сказать,— он, будто нехотя, пожал плечами,— примерно шесть лет назад в Чернобыле снова повысился радиационный фон, поэтому длительное нахождение на территории Зоны может привести к нехорошим последствиям.

— Про это я тоже слышал.— Зэк усмехнулся.— Ну и хрен-то с этой радиацией, парень! Мы ж там не жить собрались. За пару-тройку дней до границы доберемся, и всего делов. А там...

— Как уходить-то будем? — спросил Сапсан.

— Ногами,— ответил Колода.— Только обувь их не забудь. А вот рвать будем по плану. У нас с Питоном все рассчитано. Рассчитано, правда, на двоих, но третий игрок будет только на руку. Твоя задача — бить при надобности. Быстро и неожиданно. Справишься?

— Не волнуйся.— Сталкер усмехнулся.— Не впервой.

— Ну не подведи.

Через минуту Питон яростно сотрясал решетку отсекавателя и, перемежая ее лязг гулками ударами по двери, истерично вопил: